

Маргарита Корзо

Москва

**Толкование Декалога в рукописных
«Учительных Евангелиях»
конца XVI — начала XVII века**

Положительных свидетельств о том, что в восточнославянской традиции заповеди Ветхого Завета были самостоятельным объектом толкования в памятниках учительного жанра, до интересующего нас периода не сохранилось. Равно как и нет данных, что сам текст Декалога фигурировал в каких-либо четых сборниках, содержавших сокращенную редакцию ветхозаветных книг (например, в *Паримейниках*). Простое перечисление «десяти словес Бога» без какого-либо их истолкования приводится лишь в *Палее толковой* — антииудейском по своей тональности памятнике, древнейшие списки которого датируются XIV веком¹. Впоследствии фрагмент «О десяти словехъ, писанныхъ на скрижалехъ» входит в 27-ю главу *Хронографа* русской редакции².

Перечисление ветхозаветных заповедей встречалось также в ряде правовых памятников в составе компиляции «Избрание от закона Богом данного Израилю, тоже Моисеем». Компиляция имеет греческое происхождение и становится доступной восточнославянским книжникам предположительно в составе *Кормчей книги* так называемой сербской редакции³. Впоследствии «Избрание от закона» воспроизводится в известном сборнике *Мерило Праведное*, составленном как практическое руководство для судей⁴, и с незначительными расхождениями входит в качестве 45-й главы в *Кормчие книги* московской печати 1650 и 1653 годов⁵.

¹ Палей Толковая по списку, сделанному в г. Коломне в 1406 г. Трудучеников Н. С. Тихомирова. — М., 1892. — Стб. 595–596.

² Хронограф редакции 1512 года // Полное Собрание Русских Летописей. — Т. 22. — М., 2005.

³ *Цытин, Владислав*. Церковное право: 2-е изд. — М., 1996. — С. 90–92.

⁴ Древнейшая из сохранившихся рукописей датирована XIV веком (РГБ, собрание Свято-Троицкой лавры). См.: *Качалов, Николай*. Мерило Праведное // Архив историко-юридических сведений, относящихся до России. — Кн. 1. Отд. III. — М., 1850. — С. 33, 39.

⁵ Мазуринская Кормчая. Памятник межславянских культурных связей XIV–XVI вв. Исследование. Тексты / Издание подготовили Е. В. Белякова, К. Илиевская, О. А. Князевская, Е. И. Соколова, И. П. Старостина, Я. Н. Шапов. — М., 2002. — С. 643–644.

Тематические поучения на Декалог в интересующий нас период встречаются в православной книжности Речи Посполитой только в 12 рукописных *Учительных Евангелиях*⁶ — сборниках проповедей, получивших наибольшее распространение на территории Галицкой и Карпатской Руси. Впоследствии данное поучение продолжают переписывать на протяжении всего XVII века⁷.

Самый ранний памятник этого жанра, в котором встречается толкование десятословия, датируется 1588 годом⁸. Поучение «Десятеро б(о)жіе приказаніе. Е(же) Г(оспод)ь написана на скрижали каменной и да(л) Мовсею на горе Синаистей» помещено после проповедей праздничного цикла. Оно состоит из краткого «Предословія» и основной части, в которой заповеди подвергаются последовательному истолкованию.

Все рассуждения вводной части можно свести, по сути, к трем основным мыслям. Не ставится под сомнение, что хотя «десятеро б(о)жіе приказаніе» и является частью «науки старого закону», оно необходимо и полезно также и народу христианскому. Важным аргументом в пользу его значимости является факт непосредственного получения заповедей от Бога («о(т) власны(х) оусть г(оспод)ьски(х) вышло», л. 337-об.). Любопытно, что простое знание Декалога на память должно дополняться, по мнению автора предисловия, частым его звучанием во время богослужения («часто у с(вя) той ц(е)ркви слоуха(л)», л. 337). Здесь, правда, можно только домысливать, что подразумевалось под частым «слушанием»: совместное рецитирование верующими самого текста десятословия (как это было принято, в частности, непосредственно во время богослужений в кальвинистской традиции⁹ или после богослужения как часть катехезы у католиков¹⁰) или речь шла о про-

⁶ Чуба, Галина. Українські рукописні учительні Євангелія. Дослідження, каталог, описи. — Київ; Львів, 2011. — №№ 2, 13, 16, 29, 30, 34, 35, 50, 52, 56, 57, 62.

⁷ Там же. — №№ 39, 68, 69, 70, 75, 77, 79, 83.

⁸ Львовская научная библиотека им. В. Стефаника НАНУ, отдел рукописей. — Ф. 2 (Народный Дом). — № 379. — Л. 337–350-об.

⁹ См.: *La Forme des Prières et Chants Ecclésiastiques* Genève 1542. — Kasel, 1959. Подробнее о появлении данной традиции см.: *Parker, Thomas Henry Louis. John Calvin: a biography.* — London, 1975. — P. 86–88.

¹⁰ Десятословие в качестве самостоятельной единицы приходской катехезы начинает использоваться около XIII века, вытесняя позднее в значительной степени концепт семи главных (или смертных) грехов. По сравнению с текстами основных молитв и псалмов, Декалог было сложнее запоминать на слух, поэтому в приходской практике первоначально использовали не содержащее какого-либо толкования простое перечисление запретов и предписаний, зачастую в удобной для запоминания на слух рифмованной форме. Впоследствии каждая из заповедей была дополнена пространным толкованием, а десяти-двенадцатистроичный стишок превратился в многокуплетную песню, которую священник и прихожане пропевали или проносили хором в конце богослужения. В Речи Посполитой ключевая роль в утверждении данной практики принадлежала польским францисканцам — бернардинцам. Подобные рифмованные Декалоги в восточнославянской книжности до XVI века не встречаются. Вероятно, под влиянием католической традиции помещает Франциск Скорина похожий стишок в пре-

износимых священнослужителем тематических поучениях на ветхозаветные заповеди. «Предсловіе» заканчивается перечислением того минимума, которым должен овладеть каждый христианин: помимо Декалога, надлежит знать молитву «Отче наш» и Символ веры.

Несмотря на то, что в самой заглавии поучения речь идет о заповедях, полученных Моисеем, создается впечатление, что не всегда в восточнославянской книжности десягословие ассоциировалось только с ветхозаветными предписаниями, изложенными в Исх. 20:1–17, Втор. 5:6–21 и в несколько иной редакции — в Левит. 19:3–19.

В версии *Учительного Евангелия* 1588 года Декалог слагается из следующих наказов: (1) «Милоуи Б(ог)а твоего, изовсе(х) силь твои(х), о(т) всего с(е)р(д)ца твоего, о(т) вьсея мысли твоя, о(т) вьсея д(у)ша твоя, на(д) вьсе стьвореніе твое»; (2) «Абы ины(х) боговь нехвали(л) еси, ани поклъни(л)ся и(м), ани чаро(м) ани вьро(ж)ка(м) невериль еси»; (3) «Чти о(т)ца твоего и м(а)терь твою, хо(ч)ли быти до(л)го жи(в) на земли»; (4) «Милоуи бли(ж) него свое(го) я(к) са(м) себе, ре(ч) ка(ж)даго ч(е)л(ове)ка хр(ис)тіанина»; (5) «Небїи нікого ни оружіемь, ани языко(м)»; (6) «Не ра(з)бивай а некра(ди), и небери неви(н)на(го)»; (7) «Нежадай жены брата своего, ани ма(л)же(н)ства не ра(з)лучай»; (8) «Неве(р)на(го) сведо(ц)тва несве(д)чи противо бли(ж)немоу своему»; (9) «Неприсягаи накриво проти(в) б(ог)а твое(го), то е(ст) фа(л)шиве»; (10) «Не бери да(р)мо вь оуста своя имене б(о)жїа».

Формулировки лишь четырех из них — о почитании родителей, о невозделении чужой жены, запреты на лжесвидетельство и поминание всу имени Бога — буквально совпадают с формулировками Декалога. На протяжении всего толкования не встречается ни одной прямой отсылки на книги *Исход*, *Второзаконие* или *Левит* — крайне малочисленные цитаты или ссылки на ветхозаветные тексты ограничены *Псалмами*, притчами Соломона и книгой *Премудрости Иисуса, сына Сирахова*. Но при этом численно доминируют прямые или скрытые цитаты из евангельских текстов, а также апелляции к тому, чему Евангелие учит и о чем оно напоминает.

О том, что в основу классификации полученных от Бога наказов положен совершенно иной — не ветхозаветный, но преимущественно новозаветный принцип, говорит вынесение заповеди любви на первое место. И в Ветхом Завете данное предписание фигурирует в качестве одного из важных и обращенных к человеку императивов (Втор. 6:5), но выступает лишь как завершающее и резюмирующее все уже изложенные заповеди Декалога, а также ограничивается исключительно любовью к Богу. Отмечу в качестве примечания, что в самых ранних и еще лишенных конфессиональной одно-

---

дисловии к изданной им в 1519 году ветхозаветной книге «Исход»: «Веруй в бога единого. / А небери надармо имени его. / Помни дни светые святити. / Отца и матку чтити. / Незабивай ни единого. / И неделай греху блудна. / Невкради что дружного. / А не давай свидетельства лживаго. / Не пожедай жены ближнего. / Ни имения или речи его» (Біблія. Факсімільнае ўзнаўлення Бібліі, выдана Францыскам Скарынаў ў 1517–1519 гадах у 3 тамах. — Мінск, 1990. — Т. 1. — С. 195–196).

значности популярных протестантских катехизисах заповедь любви также приводится не в качестве исходного постулата, а в качестве обобщения десятилетия, как «сумма» всего Закона.

Примечательно также, что хотя любовь к Богу и любовь к ближнему и предстают в *Учительном Евангелии* взаимосвязанно, но все-таки толкуются как два самостоятельных предписания, а не как двуединый наказ Бога (Мф. 22:37–39, Лк. 10:27). Любовь к ближнему выступает главным маркером христианина, отличающим его от всего внешнего мира (со ссылкой на Ин. 13:35). Формулировка заповеди любви к ближнему не содержит столь характерного для современных данному памятнику католических катехизисов пояснения, что возлюбить ближнего надлежит ради Господа Бога¹¹, зато дополнена при этом уточнением: «ре(ч) ка(ж)даго ч(е)л(ове)ка хр(ис)тіанина» (л. 340). И далее все толкование данной заповеди построено преимущественно вокруг того, кто же является этим ближним: «смеренный, оу вере и оу м(о)л(и)тве и оумилости целы ч(е)л(о)в(е)к, ко(т)рыи с(вя)тобливе въ з(д)раво(м) оученїи кви(т)не(т), а въ заповеде(х) г(оспод)ьски(х) живе(т) по н(а)бо(ж)ностями с(вя)т(ы)ми» (л. 340-об.). В качестве «ближних» не могут рассматриваться «еретици, и ты(ж) изгна(н)ци о(т) ц(е)ркве с(вя)тои и сьбо(р)нои и о(т)щепенци жидове» (л. 340-об.—341).

Не только группировка и последовательность отдельных предписаний в *Учительном Евангелии* 1588 года, но и само распределение заповедей на двух скрижалях также не соответствует ветхозаветной модели. К этому сюжету составитель поучения обращается после толкования пятой заповеди, делая небольшое отступление и объясняя внутреннюю логику построения своего текста. Используя традиционную символику двух скрижалей, или каменных таблиц, на которых перстом Бога было начертано десятизаконие, составитель поучения помещает на каждую из них по пять заповедей. Но если в западных церквях две таблицы традиционно символизировали обязанности христианина по отношению к Богу и по отношению к ближнему¹², и именно эта символика была позднее воспринята православными книжниками Речи Посполитой, то в нашем памятнике «пре(д)няя [таблица] знаменала старыи зако(н), а вторая новый. Яко в старо(м) законе ро(с)каза(л) Г(оспод)ь Б(ог)ъ, таки(ж) и в ново(м) того потве(р)диль пре(з) с(ы)на своего» (л. 342-об.). В более ранних православных памятниках аналогичную символику удалось найти только у Франциска Скорины в предисловии к его переводу книги

¹¹ Данное уточнение («Tum enim ex Dei praescepto proximum diligimus, quum propter Deum diligimus»; курсив мой. — М. К.) появляется в утвержденном в 1566 году по решению Тридентского собора (1545–1563) «Римском катехизисе» (Catechismus ex decreto Concilii Tridentini ad parochos <...> editus. — Romae, 1928. — Cap. II, § 3). Воспроизводится оно и во всех популярных католических катехизисах Речи Посполитой, например, у Якуба Ледесмы: «[miłować] Boga nade wszystko, a bliźniego iako sami siebie dla Pana Boga» (Navka chrzescianska. Abo katechizmik dla dziatke [...]. — Kraków, 6. года. — К. С2).

¹² В уже упоминавшемся катехизисе Якуба Ледесмы предписания первой таблицы относятся «ku chwale Bożey», а второй — «ku pożytku bliźniego» (к. С4).

Исход: «Десятеро пакъ приказание божие было написано надву дощкахъ каменных еже два законы божие Ветхий а Новый знаменовали»¹³.

Говоря о подтверждении Христом ветхозаветных предписаний и их ре-актуализации, таким образом, для христиан, *Учительное Евангелие* ссыла-ется в том числе и на послание апостола Павла к Римлянам, в котором якобы дословно перечислены уже истолкованные выше предписания первой та-блицы: «миловати Г(оспод)а Б(ог)а, и бли(ж)него, бого(м) пога(н)ски(м) не слоужити ани оферы нечинити, ма(т)ку и о(т)ца чтити, и ты(ж) забывати ани языко(м) никого ранити» (л. 343). В действительности же из данного фрагмента послания (Рим. 13:1, 8–10) можно реконструировать не все при-водимые в нашем памятнике заповеди. В версии *Острожской Библии* отры-вок звучит следующим образом:

«Всяка душа властемъ предержашимъ да повинуется <...> ни единому же ничимъ же должны бывайте. Точию еже любите друг друга. Любя ибо друга, закон сконча еже бо не прелюбы сотвориши, не оубиеши, не оукрадеши, не лжесвидетельствуеши, не похощеши, и аще ина заповедь, в семь словеси совершается. Во еже возлюбиши искренняго своего яко же самъ себе. Любы искреннему зло не сотворить, исполнение оубо закону, любви есть».

Возвращаясь непосредственно к толкованию десятословия, хотелось бы отметить еще целый ряд интересных особенностей анализируемого памят-ника. Так, вводя запрет на поклонение иным богам, составитель поучения порицает не только современное ему «бо(л)ванохра(л)ство» (л. 339), а и слу-жение «бого(м) язычески(м), которїи су(т) поименовани оу книга(х) пога(н) ски(х)», и которые «не соу(т) печа(т)ми закона ани веры», и к которым при-числяются «аполонїе, иови(ш), пероу(н), артемида, мини(р)ва» (л. 338-об.). Обойдена молчанием тема иконопочитания, поднимавшаяся в контексте толкования запрета почитать иных богов в памятниках всех без исключения конфессиональных ориентаций, хотя и по совершенно разным основаниям. В контексте третьей заповеди о почитании родителей упоминается также наказ соблюдать праздничные дни. Лаконично сформулированное позитив-ное предписание посещать церковь дополнено более пространством запре-том не предаваться в эти дни «плясо(м), ани танце(м), ани ины(м) своево(л) ство(м), то е(ст) пянство(м), ани ты(ж) нечистостями» (л. 340). Здесь же в поучении появляется несколько неожиданная апелляция к евангельской притче о талантах (Мф. 25:14), поскольку в обязанности родителей вхо-дит научить свои чада не закапывать таланты в землю, «жебы(с) не бы(л) осуже(н) съ рабо(м) ленивы(м)», и наказ учить «веры и закона б(о)жїа» детей не только мужского, но и женского пола (л. 339-об.).

Формулировка седьмой заповеди содержит дополнение о неразлуче-нии супружества (л. 345). Сама тема супружеских отношений в контексте императива «Не пожелай жены ближнего твоего» выглядит вполне логично

¹³ Біблія. Факсімільнае ўзнаўлення Бібліі, выдадзенай Францыскам Скарынаю. — Т. 1. — С. 200.

и была неотъемлемой частью толкований данного предписания во всех конфессиональных традициях. Обращает на себя внимание акцент на неразлучение или нерасторжение супружеских отношений, что можно осторожно истолковать как свидетельство обращенности данного поучения и к представителям духовенства.

Оказалась разделенной на два предписания традиционно двуединая заповедь десятословия «Не свидетельствуй ложно против ближнего твоего». В версии *Учительного Евангелия* восьмая заповедь сосредоточена на сюжете направленного против ближнего ложного свидетельства, а девятая — ложной присяги. Последняя оказывается всей логикой рассуждения органично связана с запретом на убийство, причиняемое не только физически, а и словесно: «язы(ч)ная рана, неверное сведо(ц)тво, присяга ба(р)зо вади(т) д(у)ши и телу лю(д)скому пре(д) Г(осподо)мь Б(о)г(о)мь и пре(д) вши(т)кими народи» (л. 348).

Последний императив Декалога в версии *Учительного Евангелия* 1588 года — это наказ не произносить имени Бога напрасно:

«Если буде(ш) имя пана зе(м)наго не важити, еще коу томоу хоулити, и те(ж) злословити, где(н) есь караня злого того зе(м)ного. А н(е)б(ес)наго еще на(д)оуши(т)ки того света ва(ж), милоуи, боися, съ трепето(м), жебы в тебе вши(т)ки чло(н)ки дрыжали, гды едно спомяне(ш) его с(вя)тоую м(и)л(ос)ть» (л. 350).

Этот наказ выступает своего рода обобщением всех заповедей (л. 349). И в этом наиболее очевидно просматривается композиционная продуманность всего толкования десятословия нашего памятника. Она отличает данный подход от традиционного западного разведения обязанностей по отношению к Богу и ближнему. Также наблюдается своеобразное движение по кругу, когда отношение к Богу выступает как исходным, так и завершающим пунктом всего рассуждения: если первая заповедь предписывает любить Бога, то последняя есть одно из главных выражений этой любви (л. 349–об.).

В католических и протестантских памятниках рубежа XVI–XVII веков уже окончательно сложились как внутренняя логика толкования заповедей, так и канон используемых в контексте того или иного предписания сюжетов¹⁴. Композиционное и содержательное же построение поучения о Декалоге в *Учительном Евангелии* 1588 года показывает, что мы в данном случае имеем дело с самостоятельной работой, когда составитель толкования не был зависим от конкретного и внешнего по отношению к его конфессиональной традиции образца.

¹⁴ Даже с учетом специфики разных конфессиональных традиций, можно утверждать, что первоначально доминировало изложение Декалога как пространного и аргументированного перечня дозволенных и недозволенных для христианина поступков. Позднее возобладала иная модель интерпретации, когда каждый запрет стали дополнять вытекающими из него позитивными требованиями.

Целый ряд хронологически более поздних *Учительных Евангелий*, в составе которых встречается толкование десятословия, воспроизводят по сути поучение из памятника 1588 года. Лишь в одном из них, датированном первой четвертью XVII века¹⁵, появляется отсылка к ветхозаветной книге *Исход*. Правда, содержание первой заповеди, в контексте которой находится данная ссылка, не соответствует содержанию Исх. 20:9–10. Еще одно значимое дополнение встречается в *Учительном Евангелии*, датированном 1637 годом¹⁶. Оно касается не самого толкования десятословия, а перечисленного в вводных рассуждениях минимума, которым должен овладеть каждый христианин. Помимо Декалога, молитвы «Отче наш» и Символа веры добавлено «и пречистой поздравления: Б(огороди)це д(е)во ра(д)уйся обра(до)ван(н)аа» (л. 221-об.–222).

Один из датированных концом XVI века памятников так называемой Перемышльской редакции из собраний Польской Национальной библиотеки¹⁷ предлагает значительно сокращенную и переформулированную версию толкования десятословия из *Учительного Евангелия* 1588 года. Некоторые изменения заметны уже в самом названии:

BN 12205 III	НД–379
Десятеро б(о)жіе приказаніе яже Б(ог)ъ написа(л) мези(н)ны(м) свои(м) персто(м) на скрижале(х) камен(н)ы(х) на Сінайстей горе оуго(д)никоу своему Мовсеови и намъ с(ы)н(о)м ішлевомя ¹⁸	Десятеро б(о)жіе приказаніе е(ж) Г(оспод)ь написа на скрижали каменой и да(л) Мовсею на горе Синаистей

Совершенно опускается вступительное «Предословіе» и выполняющее роль логической связки между двумя частями текста рассуждение, объясняющее символику двух скрижалей; исключены и без того малочисленные отсылки к текстам Ветхого Завета. Изменилось и обращение к потенциальному читателю или слушателю: в версии 1588 года он именуется «христианский человеке», в данном же случае — «братие». Подвергая исходный текст сокращению и переосмыслению, составитель поучения остается при этом целиком внутри заданной *Учительным Евангелием* 1588 года модели: и формулировки заповедей, и последовательность их рассмотрения, и сама логика внутреннего рассуждения какому-либо изменению не подверглись.

¹⁵ Польская Национальная библиотека, г. Варшава, шифр 12203 IV (*Чуба, Галина*. Указ. соч. — № 57).

¹⁶ Польская Национальная библиотека, г. Варшава, шифр 12222 III (*Чуба, Галина*. Указ. соч. — № 35.)

¹⁷ Шифр 12205 III (*Чуба, Галина*. Указ. соч. — № 13).

¹⁸ Курсивом отмечены основные разночтения.

Хронологически более поздние православные памятники учительного жанра, получившие распространение не в рукописной, а в печатной форме, уже использовали восходящую к книге *Исход* схему десятословия. Но при том, что хотя десять заповедей и становятся неотъемлемой частью катехетических поучений, их толкование зачастую предваряется вопросом о том, действительно ли последователю Христа необходимо соблюдать установления Ветхого Завета. Так, в *Большом катехизисе* Лаврентия Зизания (Москва, 1627), первом созданном в Киевской митрополии учительном памятнике, в котором Декалог выделен как самостоятельная единица катехезы, последовательно проводится мысль, что «подобает оубо православнымъ хр(ис)тіяномъ Хр(ис)тово Ева(нге)ліе соблюдати, и того верно держатися. Понеже в десятословіи ничтоже являєть намъ вечнаго обетованія <...>. Десятословіе же не тако добро оубо и се, но во еван(ге)ліи и со ева(нге)ліемъ красно» (л. 184-об.—185). Евангелие по сути заменило собой закон Моисея, «сего ради и Павелъ к римляномъ пишетъ [вероятно, отсылка на Рим. 5:20. — М. К.] не рече законъ данъ бысть, но закон же привниде, *привреме(н)ную того показуя потребу*» (курсив мой. — М. К.). В качестве аргумента Зизаний приводит и фрагмент послания к Галатам (3:23): «Прежде бо пришествія веры по(д) законо(м) стрегоми бехо(м), затворени в хотящую веру о(т)крытися» (л. 185). Соответственно, после обретения веры в законе уже нет прежней необходимости. Весьма примечательно, что после толкования Декалога Зизаний помещает в тексте следующие разделы: «О шести совершеніи Новаго Завета, еже исправляютъ и исполняютъ заповеди Ветхаго Завета» (л. 197—199-об.) (речь идет об уточнении в Нагорной проповеди Христа предписаний закона через противопоставление: «Вы слышали, что сказано древним... А Я говорю вам...») и «О завете благодати, сиречь о законе христіянстемъ» (л. 200-об.—202-об.). В последнем автор катехизиса снова обращается к изложению преимуществ закона Христа по сравнению с законом Моисея.

Отзвуки этой дилеммы еще можно встретить в и *Кратком катехизисе* 1645 года митрополита Петра Могилы. Но уже с этого памятника в православной книжности окончательно приживается и начинает безусловно господствовать заимствованная модель толкования «Десятеро б(о)жіе приказаніе. Е(же) Г(оспод)ъ написана на скрижали каменной и да(л) Мовсею на горе Синаистей».